



**КРЕСТЬЯНСТВО** и его исторические судьбы в третьем мире в последние годы как бы исподволь снова выдвигаются если еще не на передний план объемных научных исследований, то уж заметно в центр научных дискуссий и споров.

В отличие от 20—30-х годов теперешний научный (да и не только научный) разговор о крестьянстве разворачивается в принципиально иных условиях и опирается на другой уровень развития общественной науки. Это не возвращение к старым спорам, а новый — и более высокий — виток спирали научного познания, порожденный в конце концов нуждами сегодняшней жизни.

До второй мировой войны «крестьянский вопрос» решался в одной главной плоскости: место и роль крестьянских масс в подготовке и осуществлении антиколониальных и антифеодаль-

нографических исследований по аграрно-крестьянскому вопросу. Фронт его изучения стал и шире, и глубже, и конкретнее. Но история не перестает подбрасывать все новые крупнопроблемные вопросы в этой и в смежных с ней областях.

Завоевание государственно-политической независимости бывшими колониями и фактический развал старых колониальных империй наглядно продемонстрировали неточность некоторых довоенных представлений о степени взаимообусловленности решения антиимпериалистических и антифеодальских задач национально-освободительного движения, в частности, то, что первая чуть ли не полностью зависит от второй. Практика показала, что эти задачи могут решаться и раздельно, что, помимо всего прочего, обуславливается возможностью (которую или исключали, или не говорили о ней) завоевания политической независимости под

бина разложения крестьянства, то есть внутренний распад его на кулаков-предпринимателей и сельских пролетариев. Эти явления, вполне правомерно, увязываются с экономическими требованиями и борьбой крестьян за ниспровержение всех феодальных и торгово-ростовщических пережитков и институтов в обществе (класс-сословие) и с процессами ускорения развития капитализма в деревне большинства государств третьего мира (углубление классовой дифференциации крестьян).

Подобный подход и анализ в целом, казалось, весьма удачно стыковались с разбором других экономических, политических и даже идеологических проблем. До какой-то черты это было так. Даже больше, можно сказать, что перед нами предстал неизбежный этап роста нашей общественной науки о Востоке в той ее форме, в которой она сложилась ко времени второй

## МНОГОУКЛАДНЫЕ СТРАНЫ:

ных революций. Такой подход вполне исторически объясним, хотя и «не безгрешен». Даже самый общий разбор положительных или негативных результатов (или их односторонности) тогдашних дискуссий не входит в задачу статьи. Важно, что они привлекли внимание к данному вопросу и осветили многие стороны антиимпериалистической и антипомещичьей борьбы крестьянских масс. Уже в то время были сделаны и попытки конкретно разобратся в основных тенденциях развития аграрного строя ряда восточных стран, проследить процессы внутренних изменений в крестьянстве. С той поры прослеживаются истоки споров об уровне развития капитализма в деревне, об объеме и роли феодально-помещичьих пережитков в эксплуатации тружеников сельского хозяйства, о степени имущественного и социального расслоения крестьянства, о роли торгового и ростовщического капитала и т. д.

После окончания второй мировой войны, и особенно со второй половины 50-х годов, постепенно численно возросшая группа молодых аграрников-востоковедов осуществила ряд интересных мо-

руководством национальной буржуазии. Теоретически это произошло в силу серьезной недооценки антиимпериалистических потенций национальной буржуазии и ее способности повести за собой значительные массы крестьянства или использовать их борьбу. В самом общем плане «крестьянский вопрос» стал теперь частью осевой народнохозяйственной задачи: достижения экономической независимости. В социально-экономическом разрезе он непосредственно вливается в более широкую проблему — проблему борьбы различных путей социальной эволюции независимых государств. Налицо изменения как в самом аграрном кризисе, так и в путях и классовых методах его разрешения.

Глобальные и иные сдвиги настоятельно требуют детальнее разобратся в том, что такое крестьянство с социальной и классовой точки зрения. До сей поры в разработке данной проблемы преобладают — точнее, почти абсолютно господствуют — две тесно смежные темы: до какой степени и в каком смысле крестьянство на Востоке остается классом-сословием и какова глу-

мировой войны. Успехи, достигнутые в результате многолетней и кропотливой работы аграрников-востоковедов, безусловны и неоспоримы. Но и достигнутые рубежи научных исследований и обеспечение их дальнейшего и подлинного научного продвижения также создают потребность в новом качестве их проведения. Без творческого применения ленинской теории многоукладности дальнейший прогресс в изучении крестьянства, на наш взгляд, фактически трудно достигим, если вообще возможен (естественно, речь идет об углублении принципиально — теоретического анализа, а не о накоплении фактического материала и увязке его с известными в целом выводами). Почему? Да потому, что только «введение» в научный оборот осознанных исследований конкретных укладов создает реальную почву для анализа классов, которые в многоукладном обществе — и помимо определенных укладов существовать не могут.

Стоит подойти к проблеме крестьянства с учетом этой основной социально-экономической реальности стран третьего мира, как сразу обнаружатся



определенная узость и главные недочеты привычного подхода. Действительно, что выражает термин «крестьянство», какую смысловую нагрузку он несет применительно к обстановке молодых государств? Обычно этим словом характеризуют основную часть населения (преимущественно трудящегося), которая, как известно, занята в сельском хозяйстве, ибо в экономике третьего мира господствует аграрно-сырьевая специализация. Нетрудно заметить, что тут доминирует профессиональный критерий оценки (по отрасли экономики, по производственному характеру деятельности). Несовпадение профессионального и классового значения в примелькавшихся терминах прекрасно показана В. И. Лениным в полемике с народниками (достаточно вспомнить его критику термина «кустарь»).

Поэтому, чтобы объективно разобраться в данном вопросе,

кие конкретные уклады представлены в деревне данного государства.

Таковы вкратце главнейшие части сжатого ответа на вопрос, почему «без применения» теории многоукладности нельзя дальше продвигаться вперед в изучении классовой структуры деревни третьего мира. Думается, что категоричность отрицательного ответа, дающаяся в статье, опирается на серьезнейшее основание и понятна читателю.

Применение теории многоукладности позволяет не только уточнить классовую структуру деревни, но и зафиксировать объективное бытие некоторых классов, которые в противном случае зачастую не замечаются или «не наделяются» собственной материальной базой (и типом и видом собственности).

Итак, какие главнейшие уклады возможно выделить из внешней безбрежной пестроты общественного устройства деревни

особая. В данном случае он нас интересует преимущественно как материальная почва бытия другого класса в крестьянской оболочке — класса мелкой буржуазии. Наличие именно этого класса в деревне, как правило, не замечается или даже отрицается, хотя он, на наш взгляд, занимает на данном этапе в подавляющем большинстве многоукладных стран центральное место.

Мелкий частнокапиталистический уклад в сельском хозяйстве сложился как следствие развития различных видов капитализма (крестьянского и помещичьего), представляя в первую очередь его развитие вширь. Экономически для данного уклада типичен незавершившийся процесс подчинения труда капиталу (существует формальное подчинение, то есть использование капиталом старой материально-технической и иной базы производства). Этот, в отличие от двух первых, внутренне антагонистический уклад,

## СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА

А. ЛЕВКОВСКИЙ

Доктор экономических наук

чтобы точно узнать, какой класс или классы наличествуют в деревне конкретной страны третьего мира и в конкретное время, приходится в первую очередь определить, сколько укладов (различных видов производства) функционирует в сельском хозяйстве. Каждый уклад обладает, так сказать, собственной целью производства, его организацией, спецификой распределения и воспроизводства. Это отдельный общественный механизм.

Таким образом, если крестьянство — единый класс, то оно базируется на одном укладе и самим фактом своего существования подтверждает его бытие. Однако в подавляющем большинстве стран третьего мира в сельском хозяйстве насчитывается несколько крупных укладов. Различные слои сельского населения связаны с различными укладами, то есть крестьянство по своей социально-экономической базе многоукладно и уже в силу этой причины не может быть одним классом, а скрывает наличие нескольких классов. На какие классы (или их массовидные прослойки) распадается крестьянство (точнее — складывается из них) — опять зависит от того, ка-

экономически отставших частей планеты? Отметим сперва три из них: натурально-патриархальный, мелкотоварный, мелкий частнокапиталистический. Первый, натурально-патриархальный, исторически и логически является первичным, древнейшим видом производственных отношений. Сам он ранее не — в зависимости от господствующей формации — неодинаковую социальную нагрузку. Поэтому и в наши дни он далеко не однолик. Например, в Тропической Африке с данным укладом больше связано наличие сильнейших племенных пережитков, в Азии — феодальных форм эксплуатации. Этот уклад является социально-экономической основой бытия патриархального крестьянства, то есть крестьянства в истинном значении слова.

Мелкотоварный уклад — в теперешнем его виде формируется как результат многих общественных процессов, возникших в разное время (например, распад общины, племени, большой семьи и т. д.) и несущих неодинаковую социальную нагрузку (например, рост товарно-денежных отношений). Особенности эволюции этого уклада — тема

порождает уже два «крестьянских» класса: мелких деревенских предпринимателей (кулаков) и сельскохозяйственных рабочих.

Таким образом, нахождение в деревне трех «обычных» укладов позволяет выделить в крестьянстве наших дней четыре различных классовых группы. Переходность, царящая во всех сферах общественной жизни государств третьего мира и проявляющаяся в существовании разнородных укладов, захватывает и последнее. На стыках укладов легко обнаруживается множество переходных и смешанных форм, которым в области классовой структуры соответствуют всевозможные переходные классовые прослойки. И для многих сельских тружеников отрыв от своего уклада (обычно в результате разорения) может долго не завершаться вхождением в другой. Возникнет тяжелейшая проблема аграрного перенаселения и люмпенства. Все упомянутые классовые группы (естественно, особенно трудовые) становятся его источником. Однако огромная степень «нечистоты» общественных явлений, о которой ни в каком случае нельзя забывать, не должна в то же время скры-



вать от нас их существо и значение.

Три социально-экономических уклада в сельском хозяйстве подвержены мощному воздействию других, более развитых укладов, существующих в иных отраслях народного хозяйства, а также испытывают влияние внешних факторов. Суммарно давление экономических и политических причин, чужеродных для нашей триады, неизбежно углубляет деформацию трех укладов и во многом определяет течение их эволюции. Одновременно как неизбежное следствие внешнего давления в трех укладах (особенно в двух последних) аккумулируется потребность ликвидировать деформацию, создать «нормальные» условия для собственного развития.

Влияние, идущее извне, противоречиво сказывается на трех укладах. Далеко не все оно и не всегда может быть определено как негативное. Именно из особого (для каждого конкретного типа) сочетания внешних и внутренних для трех укладов законов общественного развития в деревне третьего мира зарождается, а кое-где и растет совершенно новый уклад; назовем его кратко кооперативным укладом.

Кооперативный уклад и кооперация — неоднозначные явления. Первый складывается, как правило, на достаточно высоком уровне развития второй, после того как кооперация охватит не только сферу обращения и т. п., но и ощутимый участок сельскохозяйственного производства. Социально-классовая природа кооперации и кооперативного уклада, как известно, может быть различной в зависимости от процессов, протекающих внутри их самих, от обстановки в стране и от общего этапа общественного развития последней. В отличие от первых трех укладов кооперативный уклад не столь автономен и стихийен в своем развитии. Естественно, этот уклад — предмет для особых исследований, ибо в периферийных странах он таит еще много неожиданного.

Отметить наличие четвертого крупного уклада в сельском хозяйстве необходимо для того, чтобы показать объективную основу появления в крестьянской оболочке нового класса (для подавляющего числа стран — его зародыша) — класса кооперативного крестьянства, который также эволюционирует.

Конечно, на сельское хозяйст-

во оказывают колоссальное влияние и другие уклады, имеющие в данной многоукладной стране (например, госкапиталистический, развитый частнокапиталистический, иностранного монополистического капитала). В основном их влияние (особо двух последних) означает разную степень эксплуатации четырех укладов. Непосредственное проникновение других укладов в сельское хозяйство и создание более или менее адекватной им технико-производственной базы — в странах Азии и Африки дело не очень распространенное (в ряде районов Латинской Америки положение иное). Такая социально-экономическая структура деревни, которая, например, сложилась в колониальном Алжире, нетипична для большинства других восточных государств, хотя роль плантационного хозяйства в экономике некоторых из них достаточно велика. В целом появление других укладов в сельском хозяйстве не ведет к складыванию на данном этапе иных (кроме упомянутых) классов в деревне, хотя и означает развитие некоторых из них (преимущественно сельских пролетариев), иногда до такой степени, что они даже не включаются в крестьянство.

Итак, крестьянство в третьем мире, как правило, четырехук-

ладно по своей социально-экономической базе. Крестьянство — давно оболочка, скрывающая с неодинаковой эффективностью существование нескольких — обычно пяти — классов в многоукладном обществе. Но сбрасывать со счетов самое эту оболочку также было бы неправильно, ибо ее существование отражает наличие у пяти деревенских классов общих интересов по ряду проблем. Эта общность базируется главным образом на наличии негативных моментов, общих противников (феодализм, иностранный монополистический капитал, местная крупная буржуазия и т. д.). В сражении с общими врагами крестьянство сохраняет и даже развивает специфический облик класса-сословия, внутренне оставаясь конгломератом нескольких классов.

Вызываемые таким состоянием противоречивые процессы в экономике и политике неизбежны. Реальные и большие отличия удельного веса различных классовых компонентов в отдельных многоукладных странах из-за неравномерности развития различных укладов в деревне и связанной с этим экономической и иной политикой. Перед нами поэтому и объективная основа для сравнительной классификации состояния крестьянства в разных частях третьего мира.

## ТОЛЬКО ФАКТЫ

● Все действующие на территории Индии иностранные банки поставлены под строгий государственный контроль. Министерство финансов дало указание Центральному банку санкционировать открытие новых филиалов иностранных банков лишь в том случае, если это необходимо для развития внешней торговли и туризма. Одновременно в стране введены кредитные ограничения для иностранных банков.

● Государственные учреждения и общественные институты Алжира разработали четырехлетний хозяйственный план, принятый к руководству с 1970 года. В отличие от предыдущего трехлетнего плана, уделявшего преимущественное внимание нефтяной промышленности и металлургии, четырехлетняя программа затрагивает почти все отрасли экономики и общественной жизни и ставит целью добиться равномерного развития всех отраслей хозяйства.

● В соответствии с заключенным в Нью-Дели соглашением, рассчитанным на десять лет, Индия поставит Румынии 23,4 миллиона тонн железной руды.